

оригинальная статья
УДК 94: 325.2(510)

Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в.*

Евгений В. Дроботушенко ^{a, ID1}; Юлия Н. Ланцова ^{a, @, ID2}^a Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30
@astra205@yandex.ruID1 <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7176-0478>

Поступила в редакцию 30.07.2019. Принята к печати 25.10.2019.

Аннотация: Характеризуются отдельные аспекты колонизационной политики Китая на монгольских землях севера страны в начале XX в. Отмечается, что существует определенное количество публикаций, которые отчасти затрагивают проблематику, однако нет серьезного комплексного исследования, не все исторические факты и личности нашли отражение в научных трудах. Это предопределило обращение к документам Государственного архива Российской Федерации и отчетной документации поездок по территории Маньчжурии в первой четверти XX в. Описана неизвестная широкой общественности поездка китайского Министра Колоний князя Су по территории Юго-Восточной Монголии (Северо-Восточный Китай), анализируются выводы, сделанные по результатам поездки чрезвычайным посланником и полномочным министром в Пекине действительным статским советником Д. Д. Покотиловым. Наряду с этим приводится анализ состояния колониальной политики Китая на монгольских землях, сделанный князем Су в докладе китайским властям. Пик китайской колонизации рассматриваемой территории приходится именно на начало XX в. и во многом связан с расширением российского влияния в полосе отчуждения Китайско-Восточной железной дороги. Очевидной для авторов является необходимость дальнейшей работы с источниками для воссоздания наиболее полной картины колонизации Китаем монгольских территорий.

Ключевые слова: Министерство Колоний, Хэйлунцзян, Маньчжурия, Лифаньюань, Лифаньбу

Для цитирования: Дроботушенко Е. В., Ланцова Ю. Н. Материалы к истории колонизации Китаем монгольских земель в начале XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2019. Т. 21. № 4. С. 924–931. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931>

Введение

История Китая начала XX в. изучена достаточно хорошо, однако и сегодня некоторые ее аспекты проанализированы и охарактеризованы не полностью. Одним из таковых является китайская колонизация монгольских земель на севере и северо-востоке страны.

Имеется определенное количество исследований по данной проблематике (часть из них вышла из печати еще в первой четверти XX в.), но основная их масса дает, скорее, дополнительный материал по теме, в работах есть неточности. Так, Е. Е. Яшнов автором труда [1] называет Д. А. Давидовича, хотя на самом деле это Д. А. Давидов [2; 3; 4, с. 47].

В советское время историей китайской колонизационной политики в Маньчжурии занималась М. А. Патрушева, авторству которой принадлежит несколько статей и диссертационное исследование, при этом основное внимание автор уделяла иным хронологическим отрезкам [5; 6].

Некоторыми авторами рассматриваемый вопрос затрагивается и на современном этапе [7].

Несмотря на наличие ряда публикаций по истории китайской колонизации монгольских земель в начале XX в., сегодня ее общая картина не сформирована. Существуют отдельные составляющие названной истории, которые не получили полного, всестороннего научного анализа. Таковой является деятельность Министерства Колоний Китая. Ей посвящены отдельные работы, начиная с досоветского времени, которые характеризуют административное управление Северного Китая в начале XX в., в том числе изданные (точнее, переизданные) за рубежом на английском языке и работы иностранных исследователей. Но в них нет, по нашему мнению, развернутой характеристики деятельности названного министерства в целом и в отношении монгольских земель в частности [8–21].

* Работа выполнена в рамках реализации научного гранта № 266-ГР Совета по научной и инновационной деятельности ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» по теме «Нормативное регулирование конфессиональных отношений на приграничных территориях Забайкалья, Северного Китая и Монголии: история и современность (компаративный анализ)».

Краткий период в начале XX в. Министерство Колоний Китая возглавлял князь Су. Во время своей деятельности он осуществил поездку по монгольским землям северо-востока страны. Данная поездка не нашла освещения в научной литературе. Она и стала объектом настоящего исследования. Характеристика имеющихся материалов выступает как дополнение к истории китайской колонизации монгольских земель.

В работе использовались общенаучные методы и специальные методы исторической науки. Общенаучные – методы сбора, анализа и синтеза материала, важные при работе с архивными документами, которые легли в основу статьи. Из специальных научных методов использован сравнительно-исторический, позволяющий анализировать факты и явления в сравнении на разных этапах развития общества. Метод системного анализа позволил рассматривать колониальную политику Китая как самостоятельную систему со свойственными ей функциями. Исследование опирается на основополагающие принципы исторической науки: историзм и объективность. Первый позволяет анализировать деятельность китайских властей на монгольских землях в ее историческом развитии. Второй важен при оценке любого исторического факта или явления, дистанцирует от неоправданных измышлений авторов.

Колонизация монгольских земель. Организация Министерства Колоний

Во второй половине XIX в. Китаем был взят курс на колонизацию в отношении монгольских земель на севере страны. Цель – сделать монгольские земли равными иным территориям по уровню и степени развития [9, с. 143].

С 1638 г. по 1906 г. монгольские территории в границах империи Цин находились под управлением специальной службы – Лифаньюань. В литературе, переведенной на русский язык, она именуется по-разному: Палата внешних сношений, Палаты по делам вассальных отношений, Палата по делам зависимых земель, Китайское управление земель [22, с. 87]. Наиболее часто встречается первое наименование.

Лифаньюань была создана в 1638 г. (в отдельных публикациях указывается 1763 г. [23, с. 2]) преобразованием монгольского ямыня (ямуна) – органа административного управления. Она организовывалась для управления землями Монголии и Тибета, а впоследствии всеми вассальными владениями Китая. На местах в помощь Лифаньюань действовали институты военных наместников – цзянь-цзюней и амбаней. В их функции входил контроль над местной администрацией и местными правителями [10, с. 51; 11, с. 34; 22, с. 44; 24, с. 3, 31, 88].

На монгольских землях (после их присоединения) в границах империи Цин власть носила двойственный характер. С одной стороны, китайские власти укрепляли

раздробленность монгольских земель, постоянно увеличивая количество хошунов (военно-административных единиц), с другой – управление территорией осуществлялось Лифаньюань [22, с. 81]. Это было свойственно всем монгольским землям.

Китайские власти вплоть до второй половины XIX в. не поощряли заселение территории севера Китая китайцами. По некоторым данным только в 1860 г. китайцам было официально разрешено заниматься сельским хозяйством на этих землях. Послужил этому доклад цзянь-цзюня Тебцина, в котором он просил китайские власти разрешить переселение китайцев в Ху-лань. Он надеялся путем обложения распаханых земель получить средства на содержание армии¹.

Колонизация новых земель носила, скорее, народный характер. Во второй половине XIX в. китайцы постепенно осваивали земли Хэйлуунцзянской провинции и власти просто признавали этот факт свершившимся. Тогда у китайских властей появилась идея колонизации всего северного Хэйлуунцзяна. Так они поступили с провинциями Гири и Шэн-цзин, а также с южной частью Хэйлуунцзяна [25, с. 82–83]. Китайские власти официально открыли доступ переселенцев в Маньчжурию в 1878 г. [26, с. 174].

Некоторые авторы указывают, что земли Маньчжурии и Внутренней Монголии использовались китайцами уже в XVII в. С. А. Кузьмин говорит об указе Сюанье, который поощрял китайское хлебопашество в Джоудаском уезде, где со временем образовалась китайская колония в 3 тыс. человек [27, с. 60].

Китайские власти активизировали деятельность по колонизации Маньчжурии в связи с боязнью роста русского влияния². О том, что уже в 1901 г. ходил слух о желании российских властей отправить в Маньчжурию до 600 тыс. российских переселенцев, пишет А. В. Михалев [7, с. 268].

В 1902 г. в Китае организовано Общество колонизации, цель которого – колонизация части территории Монголии между Ургой и Бодунэ [2, с. 2; 3, с. 500]. Известно, что в том же году состоялось отчуждение земель под колонизацию выходцами из Внутреннего Китая территорий монгольского княжества Чжалайтэ Чжэримского сейма [28].

24 октября 1906 г. Палаты по делам вассальных отношений Лифаньюань были преобразованы в Министерство зависимых территорий, или Министерство Колоний (Лифаньбу). Оно занималось всеми делами на территории Монголии и Тибета и сопредельных местностях [10, с. 51; 11, с. 34; 24, с. 87–88; 29, с. 15]. После Синьхайской революции 1911 г. Министерство колоний было трансформировано в Комитет (Бюро) по делам Монголии и Тибета (Мэн цзан ши'у цзюй) [29, с. 16; 30, с. 42].

К середине декабря 1906 г. китайскими властями было принято решение о создании в составе Лифаньюань двух департаментов: Департамента охраны границ

¹ Северная Маньчжурия и Китайская Восточная железная дорога / сост. Экон. бюро Китайск. Вост. ж. д. Харбин, 1922. С. 8.

² Справочник по с. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд-во Экономического Бюро КВ жд, 1927. С. 6.

и Колонизационного департамента. В функции первого входили вопросы подготовки войск из монголов и тибетцев, просвещения, торговли. Второе занималось вопросами постройки железных дорог, работы рыбных промыслов, добычи природных ископаемых, а главное – колонизации монгольских земель. Эти департаменты сохранились в Лифаньбу, которое, к примеру, С. Л. Кузьмин именуется отделом Цзун-ямыня (внешнеполитическое бюро) [27, с. 60].

В 1906 г. было создано Пекинское Особое бюро по переселенческим делам в Монголии [31, с. 188]. Архивные источники начала XX в. дают его точное название – Министерство Колоний³.

Характеристика поездки Министра Колоний князя Су
Информацию о поездке Министра Колоний князя Су мы находим в секретных материалах действительного статского советника Д. Д. Покотилова⁴. Д. Д. Покотил в 1905–1908 гг. был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российской империи в Китае. Достаточно подробно о нем писал А. Н. Хохлов [32]. В рамках предметного поля статьи представляют интерес его записи, связанные с изучением отчета о поездке князя Су и характеристикой разговоров с ним.

Д. Д. Покотил, сообщая о поездке, использовал, в частности, данные, полученные им из личной беседы с князем, в которой тот пытался убедить российского посланника, что не имеет каких-либо пристрастий в пользу Японии⁵. Главной своей задачей князь Су видел рост экономического благосостояния Монголии. Объехав значительную территорию, князь нашел, что наиболее успешными из монгольских князей являлись на юге – харачинский князь, в северных хошунах – князь Удай, который был известен Д. Д. Покотилу по своим сношениям с российскими властями в Маньчжурии. Су отмечал, что он дал самые лестные рекомендации князю Удаю, китайской императрице Цыси и Богдохану (Богдо-гэгэну) монгольских земель, что позволило снять с него обвинения в пророссийской политике⁶.

После беседы Д. Д. Покотил поставил себе задачу выяснить подробности поездки князя Су по северу Китая. Об этом он указывал в донесении⁷. В распоряжении у Д. Д. Покотилова был письменный отчет (доклад) князя

Су, составленный для представления императрице Цыси и Богдохану. Данный отчет не имел отношения к поездке князя по монгольским землям. Скорее сама поездка стала отражением позиции китайских властей в целом и Министра Колоний князя Су в отношении территории северного Китая⁸.

По мнению Д. Д. Покотилова, при осуществлении плана активной колонизации монгольских земель китайские власти должны были встретить серьезное сопротивление со стороны монголов. Те были не заинтересованы впускать китайцев на свои земли⁹. В докладе говорилось, что монголы собирались прибегнуть «к самым крайним мерам» в воспрепятствовании планам китайских властей¹⁰. По отчету князя Су можно сделать вывод о его отрицательном отношении к Хэйлуцзянскому цзянь-цзюню сановнику Чэнь-дэ-цюаню. Его проектам князь противопоставляет мнение одного из Вице-директоров Министерства Колоний Йо-си-гуана, который еще в 1905 г. объехал монгольские земли¹¹.

Архивные документы содержат в себе перевод упомянутого выше доклада Министра Колоний князя Су, ставшего причиной его поездки. Доклад опирался на данные поездки Вице-директоров Министерства Колоний Йо-си-гуана. В нем отмечалось, что в 1905 г. Хэйлуцзянский цзянь-цзюнь Чэнь-дэ-цюань вышел с всеподданнейшим докладом о необходимости развития монгольских племен, объясняя это «серьезностью современного положения дел»¹².

По словам Чэнь-дэ-цюаня, все монгольские сеймы издавна выступали защитниками северных границ Китая. Сейм (чуулган) – это административная единица монгольских земель цинского Китая. Согласно иной точке зрения, это съезд хошунных князей аймака, который собирался периодически¹³ [33, с. 120].

Так или иначе, Чэнь-дэ-цюань настаивал на необходимости принятия мер для упрощения управления страной, в данном случае ее монгольскими землями. Из Пекина пришел ответ следующего содержания: «Предлагаемые цзянь-цзюнем меры колонизации не лишены известных достоинств. Сего ради повелеваем Князю Первой степени Су, Министерству Колоний и подлежащим цзянь-цзюням, генерал-губернаторам и губернаторам изыскать должные меры применительно к условиям вверенных им округов

³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 559. Оп. 1. Д. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 3.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 4–5.

¹² Там же. Л. 6.

¹³ Чуулган // Академик. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/20134/ЧУУЛГАН> (дата обращения: 02.07.2019).

DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931

и войти по сему предмету с подробным докладом»¹⁴. Пришедший ответ определил, с одной стороны, необходимость поездки князя Су, с другой – его негативное отношение к Хэйлуунцзянскому цзянь-цзюню сановнику Чэнь-дэ-цюаню, который вышел с инициативой в обход князя и получил одобрение Пекина. В то же время в своем докладе в Пекин князь поддержал идею¹⁵.

В Хэйлуунцзян из Гирина были посланы чиновники для размежевания земель под грядущую китайскую колонизацию. Между тем оставались значительные пустующие земли, в отношении которых работа китайских чиновников не начиналась. Это территория «к западу от гор Суюрцзи (Суюрци), в знаменах Учжумуцин, Аруцин, в левом и правом знамени Чжарута, Тумиэту, левом и правом крылах Буркинских и прочих – незаселенные пустыри на протяжении нескольких сот верст»¹⁶. Территория Внутренней Монголии была разделена китайскими властями на 49 знамен (хошунов) – административно-территориальных единиц во главе с дутунами. Знамена входили в 6 сеймов (чуулганов). К незаселенным, пустынным территориям князь Су предлагал применить опробованную и хорошо зарекомендовавшую себя практику Шаньсийской провинции. Туда специальным указом должен быть послан сановник для управления колонизационными делами и прочими вопросами, касающимися устройства страны. Руководящим началом при этом должно было стать «не требование немедленной выгоды», а привлечение значительного количества колонистов¹⁷.

Князь Су также указывал, что монгольские знамена, расположенные к востоку и западу от гор Суюрцзи (Суюрци), такие как Учжумуцин и сеймы Чжеримский, Чжосутуйский, Чжасудаский, Силингольский и др., подчиненные Мукдэнскому цзянь-цзюню, Жехескому и Чахарскому дутунам и расположенные за пределами Великой стены по линии Чжилийской провинции, на юге прикрывали собой столичную область. На востоке же они издавна служили основой для управления Монголией¹⁸.

В докладе обозначено, что монголы являются приверженцами буддизма и очень чтут данное учение. Выражение уважения к нему со стороны китайских властей, по мнению князя Су, должно было позволить заручиться поддержкой монгольского населения в колониальных начинаниях¹⁹.

Во исполнение Высочайше возложенного поручения по решению «монгольского вопроса» князь Су отправился в поездку по монгольским землям. Что касается

самой поездки, то судя по документам, она была краткой и не соответствовала запланированному маршруту.

А. И. Кохановский в одной из работ начала XX в. характеризует высказывание подьесаула В. А. Третьякова, который в 1907 г. совершил научную поездку по Монголии. Тот отмечал притеснения монгольского населения со стороны китайцев, указывал на серьезное переселенческое движение китайцев из провинций Шанси и Шенси на монгольские земли, особенно в районы городов Далай-Нор (Далайнор), Синминтин, Кайпин-Сан, Ляоян-Вопынь, Цзин-цзя-тунь, Бодунэ [2, с. 6–7; 3, с. 504–505].

Переселенческие движения шли по самой территории северного Китая. Подобное наблюдалось в начале второго десятилетия XX в. в Хэйлуунцзянской провинции. Центр ее был заселен плотно, отдельные же земли пустовали. Туда и переселялись китайцы из густонаселенных районов²⁰.

Известно, что в рассматриваемое время монгольское население сопротивлялось колонизации со стороны китайцев. В его среде создавались дугуйланы – кружки, состоявшие главным образом из аратов (в узком смысле – скотоводы, в широком – трудящиеся) [27, с. 196].

В начале 1909 г. генерал-губернатором Маньчжурии Яи Ляном пекинским властям был предложен план китаизации монголов, заключавшийся в искоренении монгольских традиций. План был одобрен. На монгольских землях начали строиться китайские города [27, с. 66]. Колонизация Внешней Монголии со стороны Китая формально запрещалась Кяхтинским договором 1915 г., китайские же колонисты стали покидать названную территорию еще в 1911 г. [27, с. 138, 185]. Внешняя Монголия, находясь с цинским Китаем, по сути, в вассальных отношениях, была и до того в несколько лучшем положении, чем Внутренняя. Там намного активнее шла постепенная колонизация земель китайцами и окитаевание монгольского населения. Однако, как и во Внешней Монголии, происходило это до 1911 г.

По замечанию А. В. Михалева, к 1911 г. были заселены хошуны Дурбэт, Северный Горлос, Чжалайт, Тушэ-гун (Сэ-гун), Южный Горлос (Гун-е-фу), Чжасакту, Тушэ-ту [7, с. 269–270].

Показательными в плане освоения северных территорий страны, причем как китайцами, так и русскими, являются некоторые цифры. Так, в 1911 г. в Хэйлуунцзянской провинции проживало 3,292266 млн человек, а в 1903 г. – всего 408 тыс. [28, с. VIII].

¹⁴ ГАРФ. Ф. 559. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

¹⁵ Там же. Л. 8.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же. Л. 8–9.

¹⁸ Там же. Л. 9–10.

¹⁹ Там же. Л. 10.

²⁰ Болопан А. П. Отчет коммерческого агента Китайской Восточной железной дороги А. П. Болобана по обследованию в 1911 году районов Хэйлуунцзянской, Гириньской и Мукдэнской провинций (Северной Маньчжурии), тяготеющих к Китайской Восточной железной дороге, в земледельческом и хлебопромышленном отношениях. Харбин: Коммерч. часть Кит. Вост. ж. д., 1912. 21 с.

В связи с революционными событиями в Китае и Монголии в 1912–1914 гг. приток колонистов сократился. Вновь он начал расти в 1914–1915 гг., но Первая мировая война замедлила данный процесс. Колонизация продолжалась и далее, но значительно меньшими темпами²¹.

Заключение

Колонизационная политика Китая на монгольских землях севера и северо-востока страны получила серьезное развитие в самом начале XX в. Первые колонисты появились на этой территории значительно раньше, но по начальному периоду говорить о массовой колонизации не приходится. Строительство Китайско-Восточной железной дороги и муссируемые в российском обществе и средствах массовой информации слухи о планах массовой российской колонизации северных и северо-восточных территорий Китая заставили китайские власти активизировать свои действия на данных землях.

Однако «российская угроза» была только одной составляющей. Вторая – т. н. «монгольский вопрос», т. е. наличие самостоятельности монгольских правителей, в некоторых случаях доходившей до противопоставления себя китайской власти. Два названных факта привели к созданию Министерства Колоний Китая. Его задача – организация и реализация процесса колонизации китайским населением

монгольских земель севера и северо-востока страны. Метод – переселенческая политика, в рамках которой названные земли заселялись крестьянами с более южных территорий государства. Колонизация была неравномерной. Отдельные регионы обширных монгольских земель получили более плотное заселение, в других переселенцы на начальной стадии практически не появились. Со временем начался процесс внутренней миграции китайцев уже по монгольским землям.

В начале XX в. решением «монгольского вопроса» занялся Министр Колоний князь Су. Он осуществил поездку по Юго-Восточной Монголии (Северо-Восточный Китай) с целью поиска путей колонизации. И такой путь им был найден: использование имевшегося опыта колонизации провинции Шаньси, когда туда был послан специальный сановник для управления процессом переселения. По мнению князя, требовалось решать вопрос не мгновенно, а постепенно, с привлечением как можно большего числа колонистов.

Поставленная задача колонизации территории Северного и Северо-восточного Китая была решена. Население региона резко увеличилось, а самое главное, он стал более подчиненным китайским властям, чем ранее. Монгольские правители утратили самостоятельность.

Литература

1. Давидов Д. А. Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу). Владивосток: Вост. ин-т, 1911. 187 с.
2. Кохановский А. И. По поводу колонизации в Китае и у нас. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1909. 20 с.
3. Кохановский А. И. По поводу колонизации в Китае и у нас // Известия Императорского Русского географического общества. 1909. Т. 45. Вып. 8. С. 499–517.
4. Яшнов Е. Е. Китайская колонизация Северной Маньчжурии и ее перспективы. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1928. 292 с.
5. Патрушева М. А. О характере колонизационной политики цинского правительства в Маньчжурии в 70–80-х гг. XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 226 с.
6. Патрушева М. А. Китайская колонизация Маньчжурии в 1911–1931 гг.: переселенческое движение и его социально-экономические последствия // Общество и государство в Китае: тез. и докл. 14 науч. конф. М., 1983. Ч. 2. С. 192–200.
7. Михалев А. В. Китайская колонизация северо-восточной Монголии начала XX века в исследованиях российского генштаба // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.) Иркутск, 2014. С. 267–271.
8. Дацышен В. Г. Очерки истории Монголии в XIX – первой четверти XX вв. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 232 с.
9. Курас Л. В. Монголия в составе империи Цин в начале XX в. // Власть. 2015. № 12. С. 143–148.
10. Тарасов А. П. Исторические судьбы Барги и Забайкалья // Азия и Африка сегодня. 2013. № 4. С. 50–55.
11. Дацышен В. Г. Монголия в составе Цинской империи в начале XX века и Синьхайская революция // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука: мат-лы III Междунар. науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 мая 2014 г.) Иркутск, 2014. С. 25–48.
12. Спицын А. В. Административное устройство Маньчжурии. Харбин: Рус.-кит. газ. «Юань-Дунь-Бао», 1909. 30 с.
13. Баранов И. Г. Административное устройство Северной Маньчжурии. Харбин, 1926. 22 с.
14. Бруннерт И. С., Гегельстром В. В. Современная политическая организация Китая / под ред. Н. Ф. Колесова. Пекин: тип. Успен. монастыря при Рус. духов. миссии, 1910. 532 с.
15. Ду Бинбин. Реформа административного аппарата империи Цин (1901–1911 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 26 с.

²¹ Справочник по с. Маньчжурии и КВЖД. Харбин: Изд-во Экономического Бюро КВ жд, 1927. С. 7.

16. Костина О. А. Административные реформы на Северо-Востоке Китая в начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 141 с.
17. Баранов А. М. Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии. Харбин: Штаб Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1906. 13 с.
18. Баранов А. М. Северо-восточные сеймы Монголии. Харбин: Штаб Заамур. окр. Отд. корпуса погран. стражи, 1908. 138 с.
19. Спицын А. В. Административное устройство Маньчжурии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 26–54.
20. Доброловский И. А. Хэйлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин: Упр. воен. комиссара Хэйлунцзян. провинции, 1906. 196 с.
21. Brunnert H. S., Hagelstrom V. V. Present day political organization of China. Rev. by N. Th. Kolessoff; tr. from the Russian by A. Beltchenko and E. E. Moran. N. Y.: Paragon, 1911. 676 p.
22. Скрынникова Т. Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия, XVI – нач. XX века. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 101 с.
23. Меньшиков П. Н., Смольников П. Н., Чирков А. И. Северная Маньчжурия. Т. I: Гиринская провинция. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1916. 652 с.
24. Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 246 с.
25. Макуха Н. А. Отношение дальневосточной администрации к китайской колонизации Северной Маньчжурии в конце XIX – начале XX вв. // Власть и управление на Востоке России. 2008. № 2. С. 80–85.
26. Глуздовский В. Е. Приморско-Амурская Окрина и Северная Маньчжурия. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток: тип. и цинк. «Далекая Окрина», 1917. 184 с.
27. Кузьмин С. А. Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. 496 с.
28. Меньшиков П. Н., Смольников П. Н., Чирков А. И. Северная Маньчжурия. Т. II: Хэйлунцзянская провинция. Харбин: тип. Китайск. Вост. ж. д., 1916. XXII+646 с.
29. Лапин П. А. Палата по делам вассальных территорий (Лифаньюань) в системе российско-китайских отношений (середина XVII – середина XIX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011. 26 с.
30. Лапин П. А. Очерк национального законодательства для монголов в Китае во время династии Цин // Восточный архив. 2015. № 1. С. 39–47.
31. Ордынская Ю. В. Освоение территории Внутренней Монголии – путь от китайской колонии до промышленного центра // Проблемы современной науки и образования. 2016. № 4. С. 188–193.
32. Хохлов А. Н. Дмитрий Дмитриевич Покотилов // Вопросы истории. 2011. № 5. С. 36–54.
33. Базаров Б. В., Хишигжаргал Г. Особенности военно-административной системы Внешней Монголии в цинский период // Власть. 2016. № 10. С. 120–126.

Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century*

Evgeny V. Drobotushenko^{a, ID1}; Yuliya N. Lantsova^{a, @, ID2}

^a Transbaikal State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039

@astra205@yandex.ru

ID1 <https://orcid.org/0000-0002-6473-1422>

ID2 <https://orcid.org/0000-0001-7176-0478>

Received 30.07.2019. Accepted 25.10.2019.

Abstract: The paper features some aspects of Chinese colonization policy in the Mongolian North in the early XX century. There have been publications on the issue; however, they fail to provide a full coverage of the period, and no serious comprehensive study has ever been performed. In this regard, documents of the State Archive of the Russian Federation can contribute to the comprehensive study of the topic. The documents are mostly represented by trip reports to Manchuria in the first quarter of the XX century. The article describes a document about a little known event of the period in question: the trip made by the Chinese Minister of Colonies Prince Su to the territory of South-Eastern Mongolia (North-Eastern China). The author also analyzed the related conclusions made by the Actual State Councilor D. D. Pokotilov, the Extraordinary Envoy and Plenipotentiary Minister in Beijing. The paper also contains a revision of Chinese colonial policy in the Mongolian lands, made by Prince Su in his report to the Chinese authorities. The beginning of the XX century became the climax of the Chinese colonization on the territory in question. This period is also associated with the expansion of Russian influence on the territory of the Sino-Eastern railway right of way. Nevertheless, a complete picture of Chinese colonization requires further studies of archival sources.

Keywords: the Ministry of the Colonies, Heilongjiang, Manchuria, Lifanyuan, Lifanbu

For citation: Drobotushenko E. V., Lantsova Yu. N. Chinese Colonization of Mongolian Lands in the Early XX Century. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, 21(4): 924–931. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2019-21-4-924-931>

References

1. Davidov D. A. *Colonization of Manchuria and North-Eastern Mongolia (Tao-Nan-Fu Area)*. Vladivostok: Vost. in-t, 1911, 187. (In Russ.)
2. Kokhanovskii A. I. *Colonization in China and in this country*. St. Petersburg: tip. M. M. Stasiulevicha, 1909, 20. (In Russ.)
3. Kokhanovskii A. I. *Colonization in China and in this country*. *Izvestiia Imp. Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1909, 45(8): 499–517. (In Russ.)
4. Iashnov E. E. *Chinese colonization of Northern Manchuria and its prospects*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1928, 292. (In Russ.)
5. Patrusheva M. A. *On the nature of the colonization policy of the Qing government in Manchuria in the 70–80s XIX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 1981, 226. (In Russ.)
6. Patrusheva M. A. Chinese colonization of Manchuria in 1911–1931: the resettlement movement and its socio-economic consequences. *Society and State in China: theses and reports of 14th Sci. Conf. Moscow, 1983*, pt. 2, 192–200. (In Russ.)
7. Mikhalev A. V. Chinese colonization of Northeastern Mongolia in the early XX century in studies of the Russian General Staff. *Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, economics, science: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, May 29–30, 2014*. Irkutsk, 2014, 267–271. (In Russ.)
8. Datsyshen V. G. *Essays on the history of Mongolia in the XIX – first quarter of the XX centuries*. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2014, 232. (In Russ.)
9. Kuras L. V. Mongolia as part of the Qing Empire at the beginning of the 20th century. *Vlast*, 2015, (12): 143–148. (In Russ.)
10. Tarasov A. P. Historical fate of Barga and Transbaikal. *Aziia i Afrika segodnia*, 2013, (4): 50–55. (In Russ.)
11. Datsyshen V. G. Mongolia as part of the Qing Empire in the early XX century and the Xinhai Revolution. *Russia and Mongolia in the early XX century: diplomacy, economics, science: Proc. III Intern. Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, May 29–30, 2014*. Irkutsk, 2014, 25–48. (In Russ.)
12. Spitsyn A. V. *The administrative structure of Manchuria*. Harbin: Rus.-Kit gaz. "Iuan-dun-bao", 1909, 30. (In Russ.)
13. Baranov I. G. *Administration of Northern Manchuria*. Harbin, 1926, 22. (In Russ.)

* This research was funded by grant of the Council for Science and Innovations of the Transbaikal State University (No. 266-GR) "Normative regulation of confessional relations in the border territories of Transbaikalia, Northern China, and Mongolia: history and modernity (a comparative analysis)".

14. Brunnert I. S., Gagelstrom V. V. *Modern political organization of China*, ed. Kolesov N. F. Pekin: tip. Uспен. monastyria pri Rus. dukhov. missii, 1910, 532. (In Russ.)
15. Du Binbin. *The reform of the administrative apparatus of the Qing Empire (1901–1911)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 26. (In Russ.)
16. Kostina O. A. *Administrative reforms in Northeast China in the early XX century*. Cand. Hist. Sci. Diss. St. Petersburg, 2007, 141. (In Russ.)
17. Baranov A. M. *Mongolia. Brief review of the political state of Mongolia*. Harbin: Shtab Zaamur. okr. Otd. korpusa pogram. strazhi, 1906, 13. (In Russ.)
18. Baranov A. M. *Northeast Sejms of Mongolia*. Harbin: Shtab Zaamur. okr. Otd. korpusa pogram. strazhi, 1908, 138. (In Russ.)
19. Spitsyn A. V. Administration of Manchuria. *Vestnik Azii*, 1909, (2): 26–54. (In Russ.)
20. Dobrolovskii I. A. *Heilongjiang Province of Manchuria*. Harbin: Upr. voen. komissara Kheiluntszian. provintsii, 1906, 196. (In Russ.)
21. Brunnert H. S., Hagelstrom V. V. *Contemporary political organization of China*, rev. by Kolesoff N. Th.; tr. from the Russian by Beltchenko A. and Moran E. E. N. Y.: Paragon, 1911, 676.
22. Skrynnikova T. D. Lamaist church and state. *Outer Mongolia, XVI – early XX century*. Novosibirsk: Nauka. Sib. otd-nie, 1988, 101. (In Russ.)
23. Menshikov P. N., Smolnikov P. N., Chirkov A. I. *Northern Manchuria. Vol. I: Girin Province*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1916, 652. (In Russ.)
24. Namsaraeva S. B. *The Institute of governors of Qing China in Mongolia and Tibet in the XVIII Century*. Cand. Hist. Sci. Diss. Moscow, 2003, 246. (In Russ.)
25. Makukha N. A. Secret reports of Russian officials in the Far Eastern territory on Chinese colonization of northern Manchuria in the end of the 19 – the beginning of the 20th centuries. *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 2008, (2): 80–85. (In Russ.)
26. Gluzdovskii V. E. *Primorsko-Amur Border Land and Northern Manchuria*, 2nd ed. Vladivostok: tip. i tsink. "Dalekaia Okraina", 1917, 184. (In Russ.)
27. Kuzmin S. L. *Theocratic statehood and the Buddhist church of Mongolia in the early XX century*. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2016, 496. (In Russ.)
28. Menshikov P. N., Smolnikov P. N., Chirkov A. I. *North Manchuria. Vol. II: Heilongjiang Province*. Harbin: tip. Kitaisk. Vost. zh. d., 1916, XXII+646. (In Russ.)
29. Lapin P. A. *Chamber of Vassal Territories (Lifanyuan) in the system of Russian-Chinese relations (mid XVII – mid XIX centuries)*. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2011, 26. (In Russ.)
30. Lapin P. A. National legislation for Mongols in China in time of Tsyn Dynasty. *Vostochnyi arkhiv*, 2015, (1): 39–47. (In Russ.)
31. Ordynskaya Y. V. The development of the territory of Inner Mongolia: from a Chinese colony to an industrial center. *Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniia*, 2016, (4): 188–193. (In Russ.)
32. Hohlov A. N. Dmitriy Dmitrievich Pokotilov. *Voprosy istorii*, 2011, (5): 36–54. (In Russ.)
33. Bazarov I. G., Khishigzhargal G. Specific features of the military-administrative system of Outer Mongolia in the Qing period. *Vlast*, 2016, (10): 120–126. (In Russ.)